

Боткин С.П.

**Курс клиники внутренних
болезней**

Том II

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61(035)
ББК 51.1
Б86

Б86 **Боткин С.П.**
Курс клиники внутренних болезней: Том II / Боткин С.П. – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 752 с.

ISBN 978-5-458-40378-8

Старейшая медицинская книга.

ISBN 978-5-458-40378-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ныхъ для него условіяхъ умираетъ въ силу старости, — неизбежнаго свойства всего жившаго.

Живой элементъ, для сохраненія своего равновѣсія, приспособляется къ различнымъ измѣненіямъ окружающей среды. Въ силу свойства самосохраненія, онъ удерживаетъ свою влагу, свою температуру, свое количество и качество твердыхъ составныхъ частей, несмотря на существующія колебанія въ этомъ отношеніи окружающей среды. Эта способность приспособленія съ сохраненіемъ своего равновѣсія обуславливаетъ извѣстную степень стойкости жизни, которая не уничтожается при незначительныхъ измѣненіяхъ внѣшней среды, а, приспособляясь, продолжаетъ свое болѣе или менѣе благопріятное существованіе. Эта способность живого элемента приспособляться, съ сохраненіемъ своего равновѣсія, къ различнымъ колебаніямъ окружающей среды, имѣетъ свои границы, обуславливаемыя количественной и качественной степенью колебаній и природнымъ свойствомъ того или другого элемента жизни. *Сущность этого свойства приспособленія заключается въ тѣхъ же сложныхъ физико-химическихъ процессахъ, которые составляютъ основу общаго свойства живого существа — самосохраненія.* Проявленіе жизни въ состояніи равновѣсія ея отпавленій составляетъ нормальную или здоровую жизнь, благопріятную для ея продолженія. Состояніе организма, съ нарушеніемъ равновѣсія жизни, составляетъ *болѣзнь*. Всякое нарушеніе равновѣсія, не возстановленное приспособляющеюся способностью организма, представляется намъ въ формѣ болѣзни, болѣе или менѣе тяжелой, смотря по значенію ея для жизни всего организма.

Понятіе о болѣзни неразрывно связывается съ ея причиною, которая исключительно всегда обуславливается внѣшней средой, дѣйствующей или непосредственно на заболѣвшій организмъ, или черезъ его ближайшихъ или отдаленныхъ родителей.

Реакція организма на вреднодѣйствующія на него вліянія внѣшней среды и составляетъ сущность болѣзненной жизни. Болѣзнь есть явленіе преходящее, временное, и только въ томъ случаѣ, если организмъ не возстановитъ своего равновѣсія, оно становится постояннымъ, вліяя, въ большей или меньшей степени, на укороченіе жизни. Возстановле-

ніе нарушеннаго равновѣсія жизни организма совершается въ силу той же способности живого элемента приспособляться,—свойства, которымъ отличается все живое; и если причина болѣзни не уничтожила въ организмѣ этой прирожденной ему способности, то равновѣсіе восстанавливается и болѣзнь проходитъ. Болѣзнь не есть нѣчто особенное, самостоятельное, она представляетъ обычныя явленія жизни при условіяхъ, невыгодныхъ организму, который или умираетъ, или, въ силу своей приспособляющейся способности, восстанавливаетъ свое равновѣсіе, достигая такимъ образомъ болѣе или менѣе полнаго выздоровленія, или же остается больнымъ, сохраняя иногда способность передавать болѣзнь или расположеніе къ ней своему потомству, что и обусловливаетъ наслѣдственность болѣзней.

Такъ какъ управляющіе нами законы природы не измѣняются, то вѣдшія причины заболѣваній остаются приблизительно однѣ и тѣ же, что и обусловливаетъ извѣстную законность проявленія жизни при разстройствѣ ея равновѣсія подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ вреднодѣйствующихъ условій. Эта законность проявленія болѣзней на различныхъ организмахъ дала возможность классифицировать различныя болѣзни на отдѣльныя группы.

Смотря на болѣзнь, какъ на проявленіе жизни въ неблагоприятныхъ и вредныхъ для нея условіяхъ, мы допускаемъ болѣзнь въ самой элементарной формѣ жизни, въ клѣточкѣ точно такъ же, какъ и въ самыхъ сложныхъ органахъ и организмахъ.

Свойство живыхъ элементовъ приспособляться къ окружающей средѣ и ея колебаніямъ, безъ разстройства равновѣсія, бываетъ въ различной степени, въ различныхъ клѣточныхъ элементахъ, въ различныхъ органахъ и въ различныхъ организмахъ. Вспомнимъ, наприм., то разнообразное отношеніе различныхъ родовъ и видовъ растений, животныхъ къ колебаніямъ температуры, влаги, количеству кислорода.

Существенная причина этихъ различныхъ отношеній живыхъ элементовъ заключается въ прирожденных свойствахъ того или другого элемента жизни, въ той или другой ея организаціи. Наблюденія намъ показываютъ, *что это прирожденное свойство приспособленія можетъ въ значи-*

тельной степени увеличиваться привычкою организма къ тѣмъ или другимъ колебаніямъ окружающей среды; культура растений, акклиматизація животныхъ убѣждаютъ насъ въ свойствѣ живыхъ элементовъ увеличивать свою приспособительную способность до значительныхъ границъ, причемъ увеличившаяся способность приспособленія родителей передается ихъ потомству.

Способность приспособляться къ вредно-дѣйствующимъ измѣненіямъ окружающей среды въ животномъ организмѣ можетъ достигать такой степени, что равновѣсіе сохраняется, несмотря на дѣйствіе вредной причины. Человѣкъ мало-по-малу приспособлялся къ различнымъ колебаніямъ внѣшнихъ условій, *передавая своему потомству постоянно нарастающую способность приспособленія, которая въ значительной степени увеличивалась помощью знаній и искусства, приобретаемыхъ путемъ наблюденія и опыта.*

Со времени первыхъ слѣдовъ жизни человѣка на землѣ, оставшихся намъ въ видѣ свайныхъ построекъ, въ видѣ различныхъ остатковъ каменнаго, желѣзнаго періода, прошло много времени, втеченіе котораго постепенно нарастала приспособляющаяся способность человѣка, обусловливаемая его прирожденными свойствами и различными внѣшними условіями, въ которыхъ онъ находился.

Способность приспособленія съ сохраненіемъ равновѣсія, способность возстановленія равновѣсія, какъ проявленіе общаго свойства жизни—самосохраненія, были *существенной причиной сохраненія человѣческаго вида, и физическаго и нравственнаго его усовершенствованія.* Въ силу общаго свойства самосохраненія, человѣческій организмъ, приспособляясь къ различнымъ условіямъ жизни, выискивалъ наилучшія, наиболѣе для него подходящія. Не зная огня, не имѣя орудій, путемъ наблюденія, долгаго опыта, человѣкъ мало-по-малу приспособлялся къ настоящему, улучшалъ его и передавалъ послѣдующимъ поколѣніямъ результаты своей борьбы за существованіе. *Все, что живетъ, борется за свое существованіе, съ болѣе или менѣе благоприятнымъ результатомъ для своей жизни и жизни своего потомства.*

Болѣзнь, какъ явленіе нарушеннаго равновѣсія жизни, должна была явиться съ первыми ея признаками на землѣ. Вредно-дѣйствующія условія были приблизительно тѣ же,

а приспособляющаяся способность не была достаточно развита. Исторія древности указываетъ намъ на такія разрушительныя дѣйствія болѣзней, которыя мы въ настоящее время едва можемъ себѣ представить. Примѣры разрушительнаго дѣйствія болѣзней на дикія, некультурныя племена существуютъ и въ наше время. Смертность населенія идетъ обратно пропорціонально съ его культурой и, слѣдовательно, съ его возрастомъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, и съ вѣроятностью можно допустить, что существуютъ несомнѣнныя особенности болѣзней различныхъ возрастовъ человѣческаго развитія. Хотя, съ другой стороны, можно думать, что зловредность нѣкоторыхъ условій, въ свою очередь, втеченіе жизни человѣчества могла потерять свою первоначальную силу, но тѣмъ не менѣе можно допустить, что способность приспособленія, свойственная человѣку, развита у людей въ различной степени, смотря по ихъ болѣе или меньшей культурности въ широкомъ смыслѣ этого слова, и что болѣзни нашего времени легче прежняго; нарушенное равновѣсіе возстанавливается быстрѣе и большее число недѣлимыхъ не выходитъ изъ равновѣсія при дѣйствіи на нихъ вредныхъ условій.

Въ силу свойства самосохраненія, въ силу приспособляющейся способности живого организма къ различнымъ внѣшнимъ условіямъ и въ силу преемственности—человѣкъ живетъ и совершенствуется, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Первобытный человѣкъ не имѣлъ ни религіи, ни знанія, ни искусства; обладая сложными нервными центральными и периферическими аппаратами, подчиняясь общему закону каждой клѣточки своего организма, онъ сохранялъ свою жизнь, постоянно увеличивалъ свою опытность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свою приспособляющуюся способность, передавая потомству результаты своей борьбы за существованіе, которые и проявлялись въ постоянномъ его развитіи.

Изученіе жизни и окружающей его природы въ ихъ взаимодействіи составляло жизненную потребность человѣка; результатомъ первыхъ шаговъ этого изученія явилось знаніе, смѣшанное вначалѣ съ суевѣріемъ; при дальнѣйшемъ развитіи человѣка началась религія въ ея различныхъ формахъ, наконецъ искусства; при расширеніи знанія чело-

вѣкъ, мало-по-малу, сталъ группировать факты, обобщать, устанавливать ихъ законность и, такимъ образомъ, стали развиваться и науки.

Медицина представляетъ ту область человѣческаго знанія, зачатки котораго относятся къ первымъ шагамъ сознательнаго отношенія человѣка къ окружающей его средѣ. Въ древности медицина повидимому была настолько высока и польза ея настолько очевидна, что врачебное искусство входило въ религіозный культъ, составляло принадлежность божества. Жрецы были врачами. Древнѣйшія законодательства заключаютъ въ себѣ прямое указаніе извѣстныхъ познаній человѣка въ гигиенѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что при болѣе простыхъ условіяхъ соціальной жизни, наблюдательность человѣка легче подмѣчала вредныя вліянія, а также и средства для ихъ удаленія. Но сознаніе нѣкоторыхъ вреднодѣйствующихъ условій и мѣръ противооѣдствія болѣзненнымъ причинамъ еще не составляло науки; это были отрывочныя свѣдѣнія, передававшіяся изъ потомства въ потомство. Безъ сомнѣнія, уже въ очень раннемъ періодѣ развитія человѣка были люди, по преимуществу обладавшіе искусствомъ примѣнять эти свѣдѣнія къ дѣлу лѣченія человѣка; но такъ какъ медицина не была тогда наукой, а почти исключительно искусствомъ, то передача потомству не могла совершаться безъ утраты многоа цѣннаго матеріала, принадлежавшаго отдѣльнымъ личностямъ. Такъ же, какъ и другія искусства древнихъ—зодчество, ваяніе—не перешли въ послѣдующія поколѣнія въ той высотѣ, на которой они стояли у древнихъ, и погибли съ отдѣльными ихъ представителями.

Много труда, много времени положилъ человѣкъ на то, чтобы освободить медицину отъ вліянія личности, чтобы поставить ее на болѣе твердую почву науки, но и до сихъ поръ понятіе о медицинѣ, какъ о наукѣ, неразрывно еще связывается съ понятіемъ о медицинскомъ искусствѣ.

Современная медицина, какъ наука, даетъ намъ сумму знанія въ извѣстной системѣ и съ извѣстными обобщеніями, которыя, къ сожалѣнію, еще не имѣютъ значенія законовъ, и потому знаніе современной медицины еще не даетъ намъ умѣнья прилагать его къ практической жизни; это умѣнье и до сихъ поръ еще приобрѣтается только путемъ опыта.

Знаніе человѣка, его взаимныхъ отношеній къ окружающей средѣ, его способность приспособленія къ различнымъ, болѣе или менѣе, неблагопріятнымъ измѣненіямъ этой среды; возможныя границы возстановленія равновѣсія и тѣ условія, при которыхъ равновѣсіе возстанавливается болѣе или менѣе скоро,—вотъ существенные вопросы, которые ставятся намъ въ практической жизни по поводу каждаго представившагося намъ случая.

Съ какою степенью точности можемъ мы отвѣтить на всѣ эти вопросы при постели того или другого больного? Основныя науки медицины и наше знаніе природы еще не имѣютъ той точности, на основаніи которой каждый представившійся намъ частный случай могъ бы быть подведенъ къ какому-нибудь математическому уравненію, разрѣшеніе котораго требовало бы только извѣстнаго знанія.

Представляющаяся намъ задача, въ видѣ того или другого страдальца, требующаго отъ насъ помощи, можетъ быть разрѣшена и въ настоящее время только приблизительно съ большей или меньшей вѣроятностью, и такое неточное разрѣшеніе возможно только при извѣстномъ умѣнии, искусствѣ, которое приобрѣтается путемъ упражненія, навыка въ рѣшеніи подобныхъ задачъ. Лѣчить больного, облегчать его страданія и, наконецъ, предупредить болѣзнь—требуетъ въ настоящее время *знанія* и *искусства* прилагать его. Это-то искусство, принадлежащее личности, и было такъ высоко въ древности, что человѣкъ связывалъ его съ понятіемъ о божествѣ; съ теченіемъ исторіи искусство утратилось вмѣстѣ съ отдѣльными личностями за неимѣніемъ твердыхъ научныхъ основъ. Существовавшее знаніе нѣкоторыхъ фактовъ, не подведенныхъ подъ общія истины,—не составляло науки; оно мало-по-малу исчезало, искажалось подъ вліяніемъ различныхъ школъ, съ различными воззрѣніями. Тѣмъ не менѣе, однакоже, практическая медицина держалась и приносила свою посильную пользу страждущему человѣчеству, въ большей или меньшей степени. Не говоря о медицинѣ древнихъ, вспомнимъ врачей — нашихъ предшественниковъ.

Еще на моей памяти, когда я началъ только учиться практической медицинѣ, нынѣ принятый методъ объективнаго изслѣдованія больного, а также аускультация и пер-

русскія еще не составляли такого общаго достоянія, какъ теперь, когда, можно сказать, почти нѣтъ врача, не вла- дѣющаго съ бѣльшимъ или меньшимъ искусствомъ техни- кой этого способа изслѣдованія. Между моими учителями были люди, стоявшіе тогда во главѣ московской практиче- ской медицины, не знавшіе при этомъ почти элементарныхъ приѣмовъ аускультации и перкуссии и, несмотря на это, однако же, эти дѣятели приносили несомнѣнную пользу цѣлымъ массамъ стекавшихся къ нимъ больнымъ. Нѣкото- рые изъ ихъ совѣтовъ больнымъ, которые остались у меня въ памяти,—я долженъ признаться—выдержать и въ на- стоящее время самую строгую критику. Не разъ мнѣ при- ходилось видѣть, какъ тогдашняя практическая знамени- тость, при обходѣ своей клиники, не выслушивая больныхъ, иногда даже не разспрашивая ихъ и безъ всякаго предва- рительнаго изслѣдованія, ставила діагнозъ болѣзни, ея пред- сказаніе, назначала лѣченіе. Нерѣдко такого рода приѣмы клиническаго метода оправдывались дальнѣйшимъ теченіемъ болѣзни, или смертью, съ послѣдующимъ вскрытіемъ; но, конечно, случались и ошибки, и иногда весьма грубыя для нынѣшняго времени.

Невольно, однако же, является вопросъ, какимъ путемъ достигали врачи, наши предшественники, этого умѣнья узна- вать болѣзнь, назначать лѣченіе, и пр.?

Врачи прежняго времени, лишенные почти совершенно тѣхъ способовъ изслѣдованія, которые въ настоящее время составляютъ общую принадлежность каждаго начинающаго, *путемъ опыта вырабатывали въ себѣ способность наблюдать безъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ*; и нерѣдко общее впечатлѣніе, производимое на врача, талантливаго наблю- дателя, видомъ больного, давало основаніе для окончатель- наго заключенія о его болѣзни и ея дальнѣйшемъ теченіи.

Эти діагнозы по первому взгляду врача на больного были причиной общеизвѣстнаго мнѣнія о вѣрности или не- вѣрности такъ называемаго взгляда того или другого док- тора. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при извѣстномъ навыкѣ и извѣстныхъ способностяхъ у людей можетъ развиваться въ очень значительной степени способность дѣлать заклю- ченія на основаніи перваго впечатлѣнія и нерѣдко безъ участія сознательнаго центра мышленія. Въ бѣльшей или

меньшей степени эта способность существует у каждого изъ насъ; при взглядѣ на какой-нибудь предметъ издали, мы нерѣдко безошибочно заключаемъ объ его свойствахъ, недоступныхъ другимъ нашимъ чувствамъ; такъ, мы отличимъ издали каменный домъ отъ деревяннаго, хотя бы они снаружи были одинаково оштукатурены; по одному взгляду специалисты могутъ отличить фальшивый бриллиантъ отъ настоящаго; большая часть людей по первому впечатлѣнію отличаетъ больного человѣка отъ здороваго, крѣпкаго отъ слабаго, трезваго отъ пьянаго. Нѣкоторые по одному взгляду на человѣка съ извѣстной вѣроятностью могутъ дѣлать заключенія объ его характерѣ. Безъ сомнѣнія, эта способность у человѣка складывается и развивается въ силу его опыта, приобретаемаго посредствомъ периферическихъ и центральныхъ нервныхъ приборовъ, помимо участія того нервнаго центра, который проявляется сознательнымъ мышленіемъ. Заключенія, представляющіяся результатомъ дѣятельности нервныхъ аппаратовъ безъ участія нашего сознанія, составляютъ одно изъ обычныхъ и частыхъ проявленій нашей жизни. Въ силу прирожденныхъ человѣку свойствъ, въ силу различныхъ внѣшнихъ условій совершаются различные тончайшіе процессы въ нервныхъ центрахъ, не доходящіе до центра сознанія и проявляющіеся уже въ формѣ окончательнаго заключенія.

Способность дѣлать заключенія безъ участія сознательной мыслительной способности, безъ анализа, безъ строгой логической послѣдовательности въ постепенномъ развитіи мысли,—мы привыкли называть инстинктомъ; извѣстно, какое громадное значеніе имѣетъ это свойство нервныхъ аппаратовъ въ жизни животныхъ. Въ инстинктивныхъ проявленіяхъ жизни животныхъ мы можемъ убѣдиться въ величайшей разумности и тонкости этого свойства нервныхъ аппаратовъ. Врачъ, дѣлающій діагностику больного или заключеніе объ его болѣзни, не имѣя достаточнаго количества фактовъ, на основаніи одного только перваго впечатлѣнія на его центры черезъ посредство его периферическихъ приводовъ,—дѣйствуетъ по инстинкту. Въ древности, въ высшей степени вѣроятія, инстинктъ врача имѣлъ чрезвычайно большое значеніе, ибо для сознательнаго заключенія древній человѣкъ былъ лишенъ средствъ. Кромѣ того,

можно предположить, что у древняго человѣка инстинктъ былъ въ большей степени развитія, чѣмъ у современнаго человѣка, у котораго, по мѣрѣ развитія мыслительной способности, инстинктъ постепенно слабѣетъ.

Успѣхъ и прочное развитіе практической медицины будутъ обусловливаться уменьшеніемъ значенія въ ней инстинкта и большаго подчиненія наукъ или разуму. Чѣмъ болѣе сознательны будутъ заключенія врача при постели больного, тѣмъ болѣе они будутъ научны. Понятно, что для сознательнаго заключенія необходимо большое количество вѣрныхъ фактовъ, которые и должны быть основаніемъ той внутренней логической работы сознательной мысли, которая выражается въ томъ или другомъ окончательномъ заключеніи. Отсюда понятно, какое важное значеніе для заключенія имѣетъ запасъ истиннаго знанія и способъ собиранія фактовъ, или, другими словами, методъ изслѣдованія больного.

Собираніе фактовъ или изслѣдованіе больного должно производиться съ извѣстной руководящей идеей, безъ которой легко впасть въ ошибки, недосмотры и, потерявъ массу времени, придти къ ложнымъ заключеніямъ.

Ставя въ обязанность врачу изслѣдовать состояніе всѣхъ важныхъ для жизни органовъ у каждаго больного, изслѣдованіе необходимо начинать съ настоящаго его состоянія. Status praesens больного и выдающаяся фактическая сторона, полученная при этомъ, и составляетъ основаніе руководящей мысли при дальнѣйшемъ изслѣдованіи. Эта руководящая идея есть въ сущности первая гипотеза, которую врачъ дѣлаетъ болѣе или менѣе сознательно на основаніи первыхъ примѣровъ изслѣдованія. Нерѣдко эта гипотеза является путемъ инстинкта врача-практика и есть результатъ его опыта и большей или меньшей впечатлительности нервныхъ аппаратовъ. Современному врачу необходимо анализировать первое впечатлѣніе, произведенное на него больнымъ. Больной худъ, блѣденъ, или хорошо упитанъ, на ногахъ, сидитъ или въ постели, и въ такомъ случаѣ, какъ онъ лежитъ—на спинѣ? на боку? Какое выраженіе лица, глазъ, голосъ больного, запахъ? Все это, несомнѣнно, производитъ на наши нервы извѣстное впечатлѣніе, которое въ концѣ концовъ слагается въ одно общее

заключеніе: у больного тифъ, апоплектический инсультъ, воспаленіе легкаго, чахотка, хроническая болѣзнь печени, желудка. Необходимо, однако, врачу помнить, что это первое заключеніе есть результатъ по преимуществу инстинкта и представляетъ гипотезу еще далеко не доказанную; а потому, продолжая изслѣдованіе, онъ долженъ быть весьма остороженъ и не терять своей объективности при дальнѣйшемъ собираніи фактовъ, которые могутъ опровергнуть или подтвердить первое, какъ бы инстинктивное, предположеніе.

При первомъ взглядѣ на тифознаго больного всякій, кто видѣлъ нѣсколько подобныхъ случаевъ, съ большой вѣроятностью уже сдѣлаетъ заключеніе, которое только подтвердится дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ. Прилагая къ подобному субъекту методъ объективнаго изслѣдованія, мы не тратимъ времени на опредѣленіе чувствительности кожи этого больного по Веберовскому способу, не будемъ примѣнять электричества для опредѣленія функций его мышечныхъ и нервныхъ аппаратовъ; не примѣнимъ къ нему спирометра и проч. Все это имѣетъ свое научное значеніе и составляетъ будущность практической медицины, но пока въ *подобномъ случаѣ* многіе изъ этихъ приѣмовъ изслѣдованія не достигли до значенія существенной необходимости. Въ другомъ же случаѣ, изслѣдованіе офтальмоскопомъ, ларингоскопомъ и проч. будетъ имѣть важное значеніе, иногда рѣшающее окончательно то или другое заключеніе по поводу представившагося субъекта.

Владѣя различными методами физическаго изслѣдованія и примѣняя ихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ практической жизни, врачъ руководится извѣстной мыслью, которая должна мѣняться по мѣрѣ представляющихся фактовъ, при изслѣдованіи больного.

Особенную важность имѣетъ такая руководящая идея при изслѣдованіи помощію вопросовъ самого больного или его окружающихъ. Чтобы поставить вопросы, врачу необходимо сдѣлать какое-нибудь предположеніе о больномъ.

Послѣ перваго отвѣта больного на вопросъ: на что онъ жалуется? врачъ ставитъ рядъ вопросовъ, сообразно тѣмъ соображеніямъ, которыя у него болѣе или менѣе сознательно образуются въ силу его опыта и знанія. Для начинающихъ полезно этому изслѣдованію разспросами предпосылать обстоя-